

Интонационное оформление побудительных высказываний (на материале обско-угорских и тюркских языков Сибири)

Т. Р. Рыжикова

*Институт филологии СО РАН,
г. Новосибирск, Российская Федерация,
tanya12@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В последние годы возобновился интерес к изучению интонационного оформления речи коренных народов Сибири и Дальнего Востока, однако интонация сургутского диалекта хантыйского языка в сочетании с языком барабинских татар остаётся неопианной.

Цель: изучить интонацию повелительных высказываний хантыйского (сургутский диалект) и барабинско-татарского языков и сопоставить полученные результаты с данными по родственным языкам сибирского ареала.

Материалы исследования: записи звучащей речи носителей рассматриваемых идиомов, а также опубликованные данные по другим обско-угорским и тюркским языкам и диалектам Сибири.

Результаты и научная новизна. Результаты исследования показали, что в большинстве языков повелительность (просьба и приказ) характеризуется нисходящим или восходяще-нисходящим движением тона, при этом тональный пик и пики интенсивности реализуются в пределах высказывания по-разному в зависимости от языка. Общим для всех рассмотренных идиомов является выделение отрицательной частицы тоном и/или интенсивностью. Подобное исследование проведено впервые на материале хантыйского (сургутского диалекта) и барабинского языков.

Ключевые слова: интонация, повелительное наклонение, барабинско-татарский, сургутский диалект хантыйского языка, тюркские языки, обско-угорские языки

Для цитирования: Рыжикова Т. Р. Интонационное оформление побудительных высказываний (на материале обско-угорских и тюркских языков Сибири) // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 3. С. 514–525.

Intonation of the imperative statements (based on the material of the Ob-Ugric and Turkic languages of Siberia)

T. R. Ryzhikova

*Institute of Philology, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation,
tanya12@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: in recent years, there has been renewed interest in studying the intonation of the indigenous peoples of Siberia and the Far East, but the intonation of the language of the Baraba Tatars and the Surgut dialect of the Khanty language remains undescribed.

Objective: to study of the intonation of the imperative utterances of the Baraba-Tatar and Khanty (Surgut dialect) languages by experimental-phonetic methods and to compare the results obtained with data on related languages of the Siberian region.

Research materials: recordings of the oral speech of the speakers of the idioms in question, as well as published data on other Ob-Ugric and Turkic languages and dialects of Siberia.

Results and novelty of the research: the results of the investigation showed that in most languages under consideration, imperative (request and order) intonation is characterized by falling or rising-falling fundamental frequency changes, while the tonal peak and intensity peaks are realized within the utterance in different ways depending on the language. Common to all the idioms considered is the marking of a negative particle by tone and/or intensity. Such a study was conducted for the first time on the material of the Baraba and Khanty (Surgut dialect) languages.

Key words: intonation, imperative subjunctive, Baraba-Tatar language, Surgut dialect of the Khanty language, Turkic languages, Ob-Ugric languages

For citation: Ryzhikova T. R. Intonation of the imperative statements (based on the material of the Ob-Ugric and Turkic languages of Siberia) // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2022; 12 (3): 514–525.

Введение

В последние годы возобновился интерес к экспериментальному изучению интонации языков Сибири и Дальнего Востока. Данные исследования представляются чрезвычайно актуальными, поскольку, во-первых, супрасегментный уровень рассматриваемых языков чрезвычайно плохо изучен, во-вторых, практически все языки коренных народов сибирско-дальневосточного региона входят в группу исчезающих [29], поэтому приоритетной задачей лингвистов является сбор и описание звучащей речи носителей данных идиомов.

Барабинско-татарский – язык малочисленного коренного народа Новосибирской области, принадлежит к тюркской группе. На сургутском диалекте хантыйского языка говорят сургутские ханты – отдельная группа, расселенная по Салыму, Пиму, Малому Югану, Тромъегану [19; 24; 27].

Актуальность исследования обусловлена тем, что оба идиома являются исчезающими, а их

суперсегментный уровень (за исключением нескольких работ по интонации хантыйского [18; 20; 26; 28]) не изучен экспериментальными методами.

Повелительные высказывания как разновидность побудительных предложений представляют особый интерес, поскольку, с одной стороны, входят в оппозицию интонационных минимальных пар: повествовательное – вопросительное – повелительное высказывание, с другой стороны, отличаются многообразием типов и коммуникативных установок.

Существует много определений побудительности, однако все их можно свести к тому, что говорящий хочет, чтобы слушающий что-то сделал [25, 182; 22, 186; 4, 49 и др.]. Е. Б. Петрова на материале работ предшественников выполнила тщательный анализ и каталогизацию существующих побудительных речевых актов (ПРА) [17], а В. В. Кулундарий [14, 243] разделила все ПРА на три основные группы (табл. 1).

Таблица 1

Классификация побудительных речевых актов (цитируется по В. В. Кулундарий [14, 243])

Группа I	Группа II	Группа III	Авторы
<u>Прескриптивы</u> приказ, распоряжение, разрешение, запрещение, инструкция	<u>Реквезитивы</u> просьба, мольба, приглашение	<u>Суггестивы</u> совет, предложение, предупреждение	Лобанова Е.В., 2011
<u>Иньюнктивы/облигативы</u> приказы, требования, команды, распоряжения, предписания, наставления, запрещения, разрешения, принуждения	<u>Реквезитивы</u> просьбы, мольбы, заклинания	<u>Адвисивы</u> советы, рецепты, рекомендации, инструкции, предложения, приглашения	Формановская Н.И., 2002
<u>Директивное побуждение</u> приказ, распоряжение, требование	<u>Оптимативное побуждение</u> просьба, мольба, призыв, приглашение предложение	<u>Нейтральное побуждение</u> совет, рекомендация инструкция, предостережение, предложение	Любимов А.О., 1984
<u>Побудительная интенция категорического директивного типа</u> приказ, приказание, распоряжение, команда, запрет	<u>Побудительная интенция смягченного директивного типа</u> просьба, мольба, заклинание	<u>Побудительная интенция нейтрального директивного типа</u> предложение, приглашение, совет, рекомендация, предписание совершить действие	Маслова А.Ю., 2009.

Одной из важнейших характеристик побудительных высказываний является их интонационное оформление. Именно интонация придаёт предложению побудительное значение, даже если по грамматической конструкции оно соответствует повествовательному. Например, предложение *Все читают* в зависимости от интонационного оформления можно воспринимать как сообщение о факте, в этом случае оно повествовательное, или как побуждение к действию, тогда оно побудительное [10, 9]. Интонация особенно важна в высказываниях с омонимичными формами: именно

интонация определяет их коммуникативную направленность.

На материале русского языка установлено, что интонация побудительных высказываний варьируется в зависимости от степени их иллокутивного воздействия на адресата [5, 10].

В высказываниях с сильной степенью прагматического воздействия, присущих директивным, безапелляционным побуждениям, говорящий уверен, что действие будет выполнено (слушающий зависит от него), ситуация для него вполне определённа. Значение определённости, уверенности

передаётся сильным выделением информативно важного сегмента интенсивностью и резко нисходящим направлением тона.

В высказываниях со средней степенью воздействия на адресата, где в каузируемом действии обычно заинтересован собеседник (говорящий соглашается, даёт совет, предлагает и т. п.), его знания определены, так как он уверен в том, что действие, из-за заинтересованности в нём собеседника, будет выполнено, выделенность информативно-важного сегмента интенсивностью (но в меньшей мере, чем при сильном прагматическом воздействии) сочетается с более узким падением тона [5, 10–11].

При слабом воздействии на адресата, когда в каузируемом действии заинтересован сам говорящий (ситуация просьбы, упрощения и т. п.), знания говорящего неопределены, так как он не уверен, что его желание будет выполнено говорящим, от которого он зависит и с которым вынужден считаться, информационно важный сегмент оформляется восходящим движением тона и интенсивностью [5, 12].

В данной статье на материале хантыйского (сургутский диалект) и барабинско-татарского языков рассматриваются два типа ПРА: *приказ* и *просьба*.

Доминанту плана выражения ПРА составляет категория императивной модальности, а её ядро – повелительное наклонение, формы которого могут выражать все оттенки значения побуждения от приказа до приглашения [2, 184]. В ситуации *приказа* побуждение направлено «сверху вниз», говорящий занимает авторитарную по отношению к адресату позицию и не сомневается, что адресат выполнит (либо, по крайней мере, попытается выполнить) каузируемое действие [9, 39]. По классификации А. Д. Гарцова это высказывание с сильной степенью прагматического воздействия.

Речевой акт *просьбы* является ПРА, направленным на то, чтобы склонить адресата к совершению определённого действия, лежащего в интересах говорящего. По признаку «свободы выбора» *просьба*, в отличие от *приказа*, относится к группе не обязательных ПРА, а к *реквестивам*, для которых характерна бенефактивность действия для говорящего [12, 66]. Это слабое прагматическое воздействие на адресата.

Далее будет рассмотрена структура повелительных высказываний и их интонационное оформление в сургутском диалекте хантыйского языка и в барабинско-татарском.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили звуковые файлы, полученные автором во время экспедиции в дер. Русскинская Сургутского района ХМАО – Югра от носителей хантыйского языка (сургутский диалект тром-аганский говор) в декабре 2021 г. Была зафиксирована речь пяти женщин – сургутских ханты. Барабинские звуковые файлы были записаны автором во время поездки к барабинским татарам в июле 2021 г. В эксперименте принимали участие три женщины – барабинки. Для всех дикторов исследуемый язык является родным.

Программа исследования включала в себя предложения с коннотацией *приказа* и *просьбы*, которые были разделены на 16 групп: 10 с положительной установкой, 6 – с отрицанием. Фраза строилась по модели наращивания словарных форм: глагол в повелительном наклонении – глагол в повелительном наклонении с прямым дополнением – глагол в повелительном наклонении с прямым дополнением и обстоятельством (объекта действия или места) или вторым дополнением и т. д. Всего 102 стимула.

Запись выполнена на цифровой диктофон (Zoom H4n), звуковые дорожки затем сегментированы на отдельные файлы в программе Audacity. Разметка проведена в программе Praat вручную.

Использовалась комплексная методика экспериментально-фонетического изучения интонации, включающая аудиторский, интонографический, спектральный, формантный анализ, анализ кривых частоты основного тона и интенсивности, сравнительно-сопоставительный метод.

Сопоставление проводилось с опубликованными данными по обско-угорским и тюркским языкам и диалектам Сибирского региона.

Результаты

В зависимости от типа побуждения синтаксическое оформление повелительного высказывания будет различаться, однако для тюркских языков, например, доминантным будет использование глагольных форм 2-го лица ед. и мн. числа (иногда) в сочетании с соответствующим личным местоимением [15, 370].

По данным Л. В. Дмитриевой в языке барабинских татар повелительное наклонение образуется следующим образом: во 2-м лице ед. числа редко, наряду с формой глагольной основы, встречается форма с аффиксом *-(ы)ң // -(и)ң*: *ал ~ алың* ‘возьми, вы возьмите’. Иногда для усиления повеления

употребляется аффикс *-(ы)ч // -(е)ч*: *сорыч* ‘спроси же’. Для 3-го лица ед. числа аффикс *-сын // -син*: *алсын* ‘пусть он возьмёт’. Во мн. числе: 2-е лицо – аффикс *-(ы)ң // -(ы)ңнар, -(ы)ңыс(лар) // -(ы)быс*: *алың ~ алыңнар ~ алыңыс ~ алыңыслар ~ алыбыс* ‘возьмите’; 3-е лицо – аффикс *-сын(нар) // -син(нар)*: *алсын ~ алсыннар* ‘пусть они возьмут’ [7, 215–216].

В наших материалах преимущественно зафиксированы формы 2-го лица ед. числа глагольной основы: *Киль!* ‘Иди!’; *Сал!* ‘Положи!’; *Қазы!* ‘Копай!’ и т. д. Отрицательная форма образуется при помощи добавления аффикса *-ма*: *Урлама!* ‘Не воруй!’ (урла=ма ‘воровать=NEG’); *Сындырма!* ‘Не сломай!’ (сын=дыр=ма ‘сломать=IMP=NEG’); *Ашатма!* ‘Не корми!’ (аша=т=ма ‘аша=IMP=NEG’) и т. д.

Если выражение формы *приказа* было единообразным, то при выражении *просьбы* встретились, в дополнение к вышеописанным, формы 2-го лица мн. числа на *-(ы)быс*: *Атыбыз!* ‘Стреляйте!’; *Салыбыз!* ‘Положите!’; *Казыбыз!* ‘Копайте!’. Интересно, что для выражения *просьбы* были зафиксированы формы, которые Л. В. Дмитриева определяет как «усиление повеления с аффиксом *-(ы)ч // -(е)ч*»: *Килич!* ‘Иди же!’; *Атыч!* ‘Стреляй же!’; *Ачич!* ‘Открой же!’. Часто просьба выражалась, как и в русском языке, при помощи слова «пожалуйста», которое могло стоять как в начале, так и в конце высказывания.

При добавлении других членов предложения, часть дикторов использовала порядок слов русского стимула, однако традиционным следует считать порядок SOV: *Сал!* ‘Положи!’; *Китанне сал!* ‘Положи книгу!’ (досл.: книгу положи); *Китанне өстәлгә сал!* ‘Положи книгу на стол!’ (досл.: книгу на стол положи); *Минем китанне өстәлгә сал!* ‘Положи мою книгу на стол!’ (досл.: мою книгу на стол положи).

Интонационно *приказ* оформляется нисходящим тоном (рис. 1) с максимумом интенсивности на первом слоге. *Просьба* также маркируется деклинацией, причём частица «пожалуйста» в финальной позиции продолжает интонационный контур первой части высказывания, а в инициальной позиции характеризуется инклинацией или восходяще-нисходящим изменением ЧОТ и может обособляться (хотя и не всегда) при помощи паузы (рис. 2–3). При произнесении формы на *-(ы)ч // -(е)ч* отмечается восходящее движение тона на втором слоге и затем падение тона на «пожалуйста» (рис. 4).

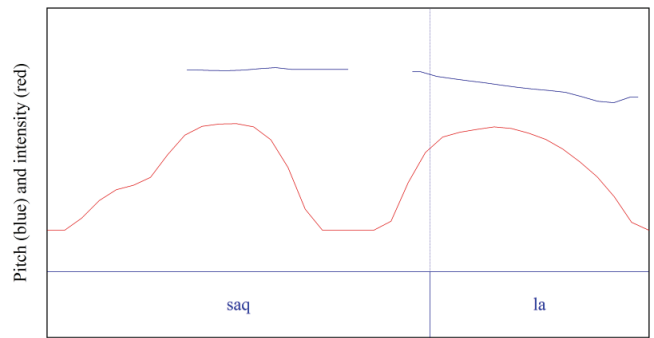

Рис. 1. Интонограмма барабинско-татарского высказывания *Сақла!* ‘Подожди!’

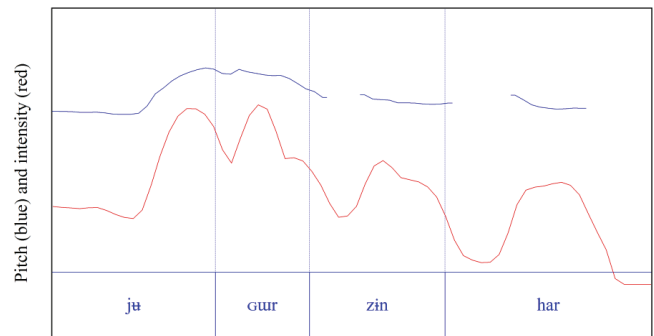

Рис. 2. Интонограмма барабинско-татарского высказывания *Йугыр, зинһар!* ‘Беги, пожалуйста!’

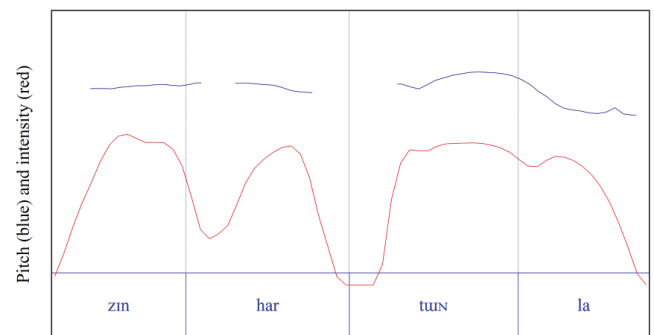

Рис. 3. Интонограмма барабинско-татарского высказывания *Зинһар, тыңла!* ‘Пожалуйста, послушай!’

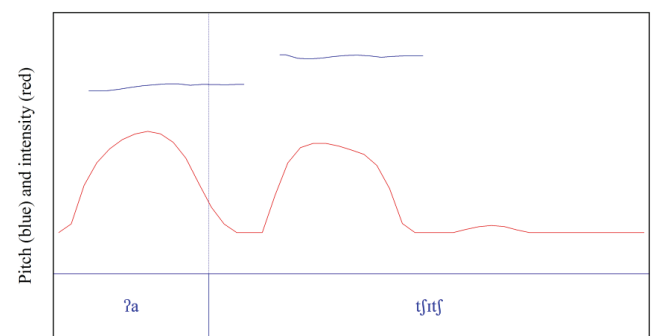

Рис. 4. Интонограмма барабинско-татарского высказывания *Ачич!* ‘Открой, пожалуйста!’

В отрицательной форме и *приказ*, и *просьба* имеют восходяще-нисходящий тон, частица «пожалуйста» продолжает интонационный рисунок высказывания. Интенсивностью выделяется слог перед отрицательной частицей *-ма* (рис. 5–6).

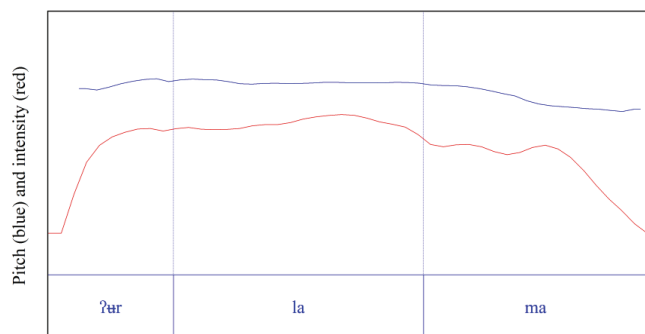

Рис. 5. Интонаграмма барабинско-татарского высказывания *Урма!* ‘Не воруй!’

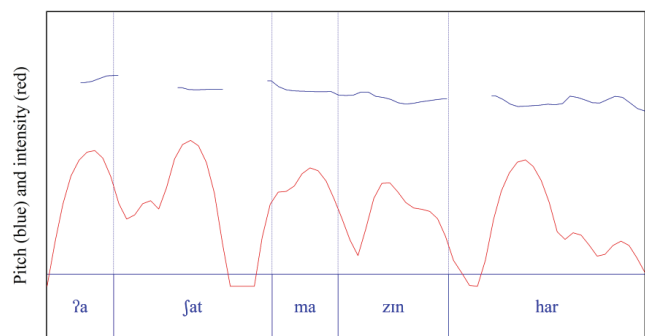

Рис. 6. Интонаграмма барабинско-татарского высказывания *Ашатма, Зинһар!* ‘Не корми, пожалуйста!’

При добавлении членов предложения интонационное оформление высказывания характеризуется следующими признаками: первое слово маркируется восходящим движением тона, которое меняется на деклинацию на втором слове; общий рисунок высказывания – восходяще-нисходящий с постепенным понижением частоты основного тона на каждом последующем члене интонационной фразы (рис. 7–9).

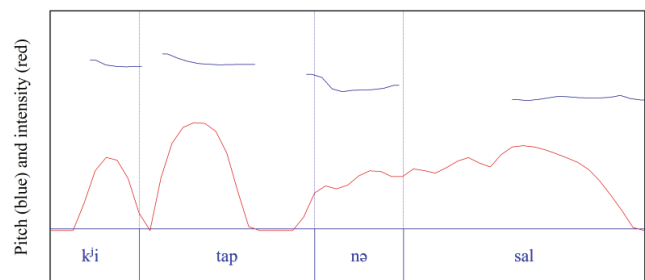

Рис. 7. Интонаграмма барабинско-татарского высказывания *Кıтанне сал!* ‘Положи книгу!’

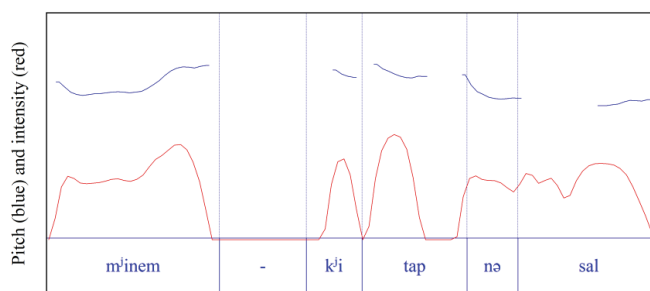

Рис. 8. Интонаграмма барабинско-татарского высказывания *Мıне м кıтанне сал!* ‘Положи мою книгу!’

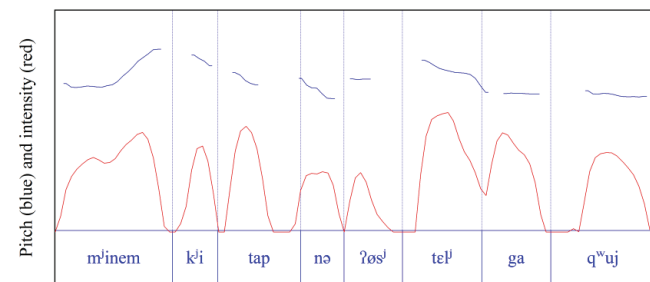

Рис. 9. Интонаграмма барабинско-татарского высказывания *Мıне м кıтанне östälğä куй!* ‘Положи мою книгу на стол!’

Таким образом, интонационное оформление повелительного высказывания в барабинско-татарском зависит не столько от его смысловой коннотации, сколько от используемой грамматической формы.

Особенностью императивных парадигм обско-угорских языков является их структурная неоднородность: синтетическим путём выражаются только центральные формы, периферийные формы являются либо аналитическими, либо неимперативными по происхождению [6, 166]. По данным Е. А. Немысовой формы императива объектного спряжения при дв. и мн. ч. объекта в современном хантыйском языке почти не употребляются. В разговорном языке участились случаи использования форм настоящего и будущего времени изъявительного наклонения, а также форм сослагательного наклонения и инфинитива в значении повелительного наклонения для выражения *просьбы* или *приказа* в самой категоричной форме [21, 114].

А. Д. Каксин отмечает, что в казымском диалекте хантыйского языка в восклицательных предложениях акцентируются те слова, которые выражают приказание, побуждение, какую-либо эмоцию или оценку, исходящую от говорящего. На этих словах тон повышается (*jıra mäna!* ‘уйди / отсюда!’; *sora / tiw jıwıwı!* ‘Быстро / сюда идите!’ и др.) [11, 38].

Объектный императив 2-го лица имеет два ряда форм в зависимости от числа объекта. При ед. ч. объекта формы императива снабжаются показателями числа *-e*, *-aln* и *-aln*. При дв. ч. и мн. ч. объекта формы императива имеют показатели *-ali*, *-aln* и *-aln* [11, 109].

В побудительных предложениях с императивом 2-го лица часто отсутствует подлежащее, и на первую позицию может выдвигаться глагол-сказуемое (*mija pa suxum roxal* ‘дай другой моток ниток’; *lewali tam palum nañat* ‘съешь эти пирожки’; *luja ta ñuki xotema* ‘заходи в мой чум’) [11, 150].

В работе Марты Чепреги приводится полная парадигма спряжений глагола в повелительном наклонении в сургутском диалекте хантыйского [23, 149–151].

В наших материалах все формы повелительного наклонения были образованы при помощи аффикса *-a*: *Ѓәләнта!* ‘Слушай!’; *Пунча!* ‘Открой!’; *Өх илэ пунча!* ‘Открой дверь!’ и т.д. В отличие от тюркских языков, в которых отрицательная форма глагола образуется при помощи негативного аффикса, в сургутском диалекте перед глаголом ставится частица *ал* ‘не’: *Ал көрүа!* ‘Не упади!’; *Ал көса!* ‘Не сломай!’; *Ал жулма!* ‘Не воруй!’ и т.д.

Н. Б. Кошкарёва пишет, что в хантыйском языке порядок слов, из-за ограниченности варьирования, не является основным средством выражения актуального членения. Нейтральным считается порядок SOV, при котором конечная позиция глагола фиксирована, а взаимное расположение субъекта и объекта зависит от актуального членения: рематической является позиция непосредственно *перед* глаголом, поэтому здесь располагается тот член предложения, который выполняет роль ремы. Поскольку отклонения от фиксированного порядка слов допустимы в ограниченных случаях, они обычно обусловлены прагматическими факторами и экспрессивностью высказываний [13, 34, 38]. По показаниям наших информантов, в кратких повелительных предложениях порядок слов не всегда является фиксированным и в ряде случаев возможна инверсия: *Тәхэ йүха!* ~ *Йүха тәхэ!* ‘Иди сюда!’; *Ѓухула йәңнам!* ‘Беги домой!’; *Вәс ына!* ~ *Ына вәс!* ‘Копай яму!’.

А. В. Диденко отмечает, что в хантыйском языке, как и в мансийском, существует группа глаголов с меняющейся гласной в корне императива. Кроме того, если основа глагола заканчивается на гласный или мягкий согласный, то появляется вставочный элемент *-j* на конце основ глагола [6, 165–166]. В наших материалах фиксируется мена

гласного корня основы глагола в соответствии с данными М. Чепреги, однако появление финального *-j* не встретилось.

Интонационно приказ оформляется нисходящим движением тона с пиком интенсивности на первом слоге (рис. 10). При добавлении дополнения или обстоятельства, которое позиционно расположено перед сказуемым, на нём реализуется восходяще-нисходящий тон с последующим плавным понижением ЧОТ до самого конца высказывания. Максимальная интенсивность также отмечается на первом слове (рис. 11). В высказываниях типа *Вәс махуанам ына!* ‘Копай глубокую яму!’ и *Вәс пәстәчәк ына!* ‘Копай яму быстрее!’ (рис. 12) на первом слове отмечается повышение тона, затем происходит его перелом и падение на втором слове; на первом слоге сказуемого отмечается небольшая деклинация с последующим понижением к концу высказывания. В данном случае интонационно выделяется качество ямы (Яму ГЛУБОКУЮ копай!) или образ действия (Яму БЫСТРЕЕ копай!), что соответствует утверждению Н. Б. Кошкарёвой о рематическом маркировании позиции перед сказуемым [13]. Пики интенсивности фиксируются на первом слове, на первом слоге второго слова и на первом слоге глагола, что можно интерпретировать как ударение.

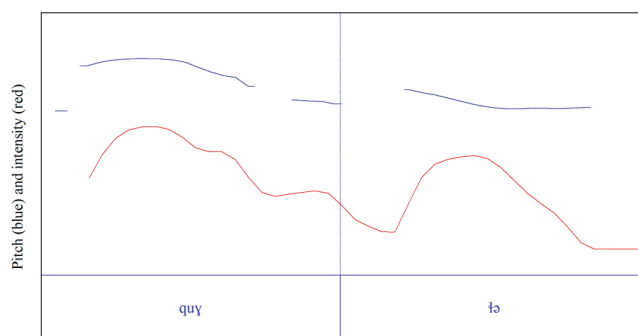

Рис. 10. Интонограмма сургутского высказывания *Ѓухула!* ‘Беги!’

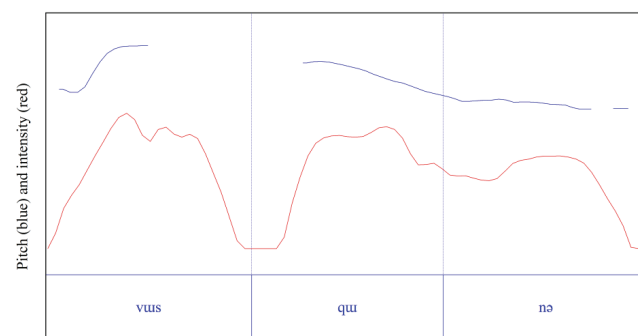

Рис. 11. Интонограмма сургутского высказывания *Вәс ына!* ‘Копай яму!’

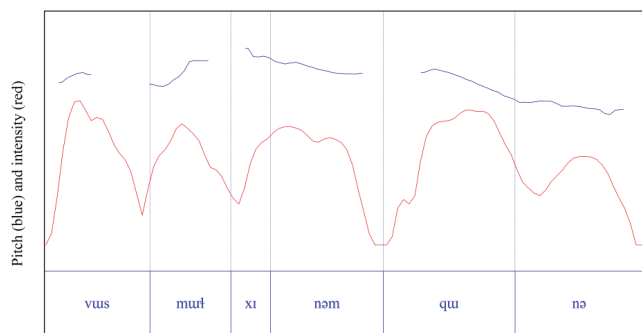

Рис. 12. Интонограмма сургутского высказывания *Вас ма́лхэнам цына!* ‘Копай глубокою яму!’

В примере *Сорха вэ́ли лыхэ!* ‘Стреляй быстрее в оленя!’ интонационно выделяется первое слово: на нём тон начинает понижаться, интенсивность высокая на обоих слогах, на втором слове продолжается постепенное понижение ЧОТ, интенсивность чуть выше, чем у первого слова, на сказуемом тон доходит до минимального значения, первый слог маркируется интенсивностью, которая, однако, меньше, чем у предыдущих слов. Можно предположить, что диктор хотел выделить именно первое слово – ‘БЫСТРЕЕ в оленя стреляй!’.

Как отмечалось выше, отрицательная форма императива – прохибитив по А. Ю. Фильченко – в сургутском диалекте образуется при помощи препозиционной частицы *а́л*. На интонограммах она маркируется восходящим тоном с его последующим понижением на смысловом глаголе (рис. 13). Интересно, что максимальная интенсивность отмечается не на отрицательной частице, а на глаголе – либо только на первом слоге, либо на обоих слогах. При добавлении других членов предложения финальная часть повелительного высказывания (частица + глагол) имеет такое же интонационное оформление, как и в изолированном произнесении – восходящее движение тона на отрицательной частице с последующей деклинацией на глаголе. При этом предыдущие члены высказывания имеют либо ровный тон, либо восходяще-нисходящий. В таких конструкциях начало высказывания маркируется максимальной интенсивностью, которая постепенно понижается к концу, с второстепенными пиками на отрицательной частице и глаголе (рис. 14).

В наших сургутских материалах просьба выражалась двумя способами: при помощи сочетания *чи лэ́вит йэм вэ́ра* ‘пожалуйста’, и интонационно с сохранением структуры повелительного предложения.

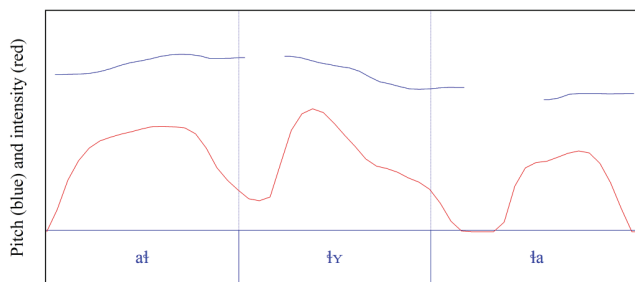

Рис. 13. Интонограмма сургутского высказывания *А́л жу́жа!* Не верь!

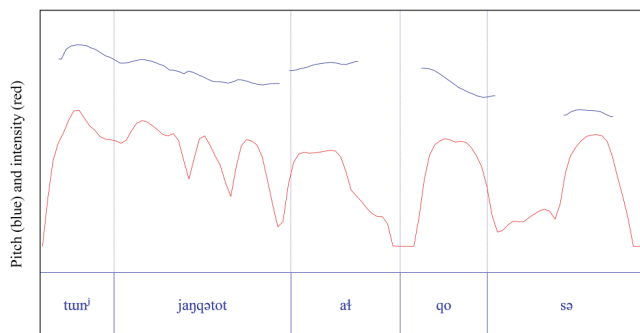

Рис. 14. Интонограмма сургутского высказывания *Тэ́нь йа́нтэхтэ́йт а́л ко́са!* ‘Не сломай его игрушку!’

В первом случае, интонация зависит от места «пожалуйста» в предложении. Если оно стоит в начале высказывания, то характеризуется восходяще-нисходящим движением тона, может отделяться паузой от остального высказывания; глагольная часть фразы также имеет восходяще-нисходящий тон. Максимальный пик интенсивности отмечается на первом слоге *лэ́вит*. Если «пожалуйста» стоит в конце высказывания, то оно интонационно не выделяется, а продолжает нисходящий контур интонационной фразы, с небольшим повышением тона на *чи лэ́вит*. Кривая интенсивности имеет максимум на первом слоге всего высказывания, а затем постепенно понижается к его концу (рис. 15–16).

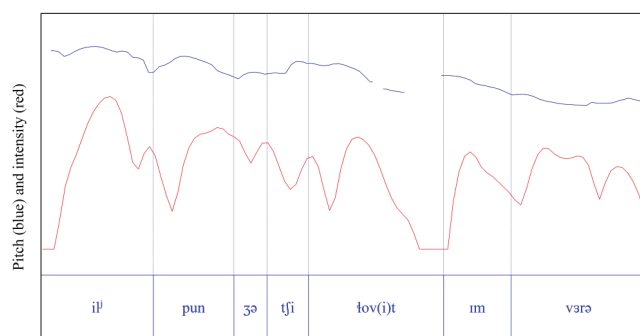

Рис. 15. Интонограмма сургутского высказывания *И́лэ пунча, чи лэ́вит йэм вэ́ра!* ‘Открой, пожалуйста!’

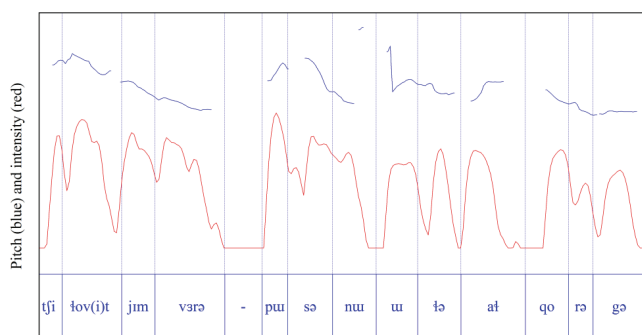

Рис. 16. Интонаграмма сургутского высказывания *Чи лəбит йəм вəрə, пəсанəл əл кəрхə!* ‘Пожалуйста, не упади со стола!’

Во втором случае, когда диктор пытался выразить просьбу интонационно, не отмечается существенной разницы ни в темпе речи (просьба на несколько миллисекунд может быть дольше, чем приказ в односоставных высказываниях, однако эта разница исчезает в более сложных конструкциях), ни в частоте основного тона (ЧОТ может быть на 1–2 полутона выше при выражении просьбы, а терминальный тон на 1–2 полутона ниже, чем у приказа, однако данная характеристика также не является постоянной), ни в пиках интенсивности, которые совпадают в обоих случаях.

Таким образом, по нашим экспериментальным данным повелительная интонация в сургутском диалекте маркируется деклинацией, если есть дополнительные члены предложения, тон – восходяще-нисходящий. Поскольку отрицательная форма – прохибитив – образуется при помощи специальной частицы, именно она маркируется восходяще-нисходящим тоном вне зависимости от позиции сказуемого в высказывании. Интонационного различия между приказом и просьбой отмечено не было, если в просьбе присутствует слово “пожалуйста”, его оформление зависит от позиции в предложении.

По экспериментальным данным А. Ю. Фильченко, характерной интонационной моделью императива в восточно-хантыйском является восходяще-нисходящее движение частоты основного тона (HL). Акцентный пик фиксируется на ударном слоге глагольного предиката.

Прохибитивы (т. е. отрицательная форма побуждения (*комментарий наш*)) являются морфологически идентичными и концептуально родственными императивам и формально отличаются только наличием отрицательной частицы. Интонационно они характеризуются восходяще-нисходящим контуром (HL) с акцентными пиками на

отрицательной частице (äļ) и глагольном предикате. Императивы – тип пропозиций, где вся глагольная фраза представляет собой фокус, т. е. относится к прагматическому утверждению. Таким образом, общая семантика данного типа пропозиций – это направленность на изменение ситуации или, в случае с прохибитивами, – на предотвращение её изменения [20, 143–144].

В докторской диссертации С. В. Онина рассматривает различные типы побуждения в диалектах хантыйского языка, в том числе интонационное оформление повелительных высказываний. Автор приходит к выводу, что индикативные высказывания характеризуются плавным и равномерным понижением ЧОТ к концу высказывания. Императивы отличаются значительным повышением ЧОТ на первом гласном слова, обозначающего глагольный актанта. За повышением ЧОТ следует динамичное падение ЧОТ либо уже на самом втором слоге слова, обозначающего глагольный актанта, либо на первом слоге следующего слова (глагола), после которого идёт плавное и равномерное понижение ЧОТ на глаголе. Общее падение ЧОТ от максимального показателя к концу высказывания составляет около 120–150 Гц [16, 69]. В прохибитивах важным является динамическое и логическое ударение, которое обычно падает на гласную фонему отрицательной частицы глагола, причем её произнесение сопровождается повышением интонации, а затем резким спадом на лексическом глаголе [16, 61]. В приложении диссертации С. В. Онина приводит примеры с частицей “пожалуйста”. Данные автора совпадают с нашими: интонационное оформление зависит от позиции в высказывании – в конце частица “пожалуйста” продолжает нисходящий тон императива, в середине характеризуется восходяще-нисходящим движением тона [16, 536].

А. А. Добринина на материале алтайского языка проанализировала различные типы побудительных высказываний, в том числе *приказ* и *просьбу*. Экспериментальный материал свидетельствует о том, что *просьба* в отличие от *приказа*, характеризуется более ровным тоном. При оформлении *просьбы* к глаголам повелительного наклонения добавляется частица *-да* ‘-ка’. Частотный диапазон шире, чем в других видах побуждений. При *приказе* мелодическая структура реализуется в виде восходящей кривой основного тона, пик которой отмечается на последнем слоге. Пик интенсивности констатируется на гласном второго слога, что позволяет трактовать данный слог как

ударный. В отрицательных вариантах высказывания интонация – восходящая, с пиком интенсивности на отрицательном компоненте сказуемого [8, 264, 266]. Чтобы побуждение было ясным, чётким, а приказ или требование – категоричным, высказывание произносится в замедленном темпе, но темп ускоряется при выражении просьбы, предостережения [8, 268].

В хакасском языке (качинский диалект) для односоставных побудительных высказываний характерны три основных мелодических рисунка. Первый тип – пик движения частоты основного тона и наибольший пик интенсивности совпадают. Во втором типе можно выделить два подтипа: а) пик частоты основного тона следует за пиком интенсивности; б) пик основного тона предшествует пику интенсивности. Для третьего типа характерно волнообразное повышение тона (восходяще-нисходяще-восходящее), в котором пик интенсивности может реализоваться либо в первом повышении тона, либо во втором. Пик интенсивности в большинстве случаев приходится на конец высказывания [3, 79, 99].

В якутском языке И. Е. Алексеев изучал разные типы вопросов, в том числе побудительно-вопросительные. Кроме однокомпонентных форм, автор выделил особую группу вопросительно-побудительных и побудительно-вопросительных высказываний. В коммуникативном плане, кроме отражения чувства почтения, уважения и обращений, они выражают различные формы взаимоотношения собеседников – от мягкой просьбы до настойчивого призыва к исполнению действия [1, 149]. Интонационное оформление зависит от структуры такого вопроса, но в целом, побудительный компонент интонируется слабее вне зависимости от положения в высказывании [1, 151].

Обсуждение и заключение

В результате экспериментально-фонетического исследования интонации барабинско-татарских повелительных высказываний было установлено,

что императив характеризуется деклинацией, при этом отрицательная частица никак не выделяется, а гласный предшествующего слога удлиняется. Если высказывание является распространённым, то тоном и интенсивностью маркируется член с эмфатической и смысловой нагрузкой, а на сказуемом продолжается падение ЧОТ.

Данные по сургутским императивным высказываниям совпадают с результатами предшествующих интонационных исследований хантыйского языка и диалектов. Как и в барабинско-татарском, в хантыйском повелительность выражается деклинацией. Хантыйский прохибитив характеризуется особым выделением отрицательной частицы, которая находится в препозиции к глаголу, в отличие от тюркских языков, в которых отрицательный аффикс располагается после основы глагола и интонационно может никак не маркироваться.

Сравнительно-сопоставительный анализ выявил, что в разносистемных языках сибирского ареала наблюдается значительная вариативность интонационного оформления повелительных высказываний. В большинстве рассмотренных языков *приказ* и *просьба* имеют нисходящий или восходяще-нисходящий контур ЧОТ, за исключением алтайского языка, в котором тон – восходящий.

Просьба может выражаться как интонационно, так и при помощи слова "пожалуйста", в этом случае интонация зависит от его положения в высказывании: в начальной позиции оно может обособляться паузой и произносится с восходяще-нисходящим тоном, в конце – продолжает интонационный рисунок высказывания.

Изучение интонации побудительных, в частности повелительных, высказываний представляется перспективным с точки зрения коммуникативного синтаксиса, поскольку интонационно может маркироваться тот член предложения, на который автор хочет обратить особое внимание, выделить его. В таком случае, речь будет идти об эмфатическом и/или рематическом выделении.

Список источников и литературы

1. Алексеев И. Е. Вопросительное предложение в якутском языке. Якутск: Книж. изд-во, 1982. 172 с.
2. Бикбаева Л. М. План выражения модального микрополя побуждения в татарском и русском языках // Вестник ЧГПУ. 2008. № 11. С. 183–191.
3. Бичелдей К. Н. Ритмомелодемы простых нераспространённых предложений хакасского языка: Повествование. Вопрос. Побуждение. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2000. 116 с.
4. Вежицкая А., Шмелев А. Д., Булыгина Т. В. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 776 с.
5. Гарцов А. Д. Интонация семантико-прагматических разновидностей побудительных высказываний в русском языке: автореф. ... канд. филол. наук. Москва, 1992. 16 с.

6. Диденко А. В. Угорская императивная парадигма // Вестник ТГПУ. 2006. Выпуск 4 (55). Серия: Гуманитарные науки (филология). С. 162–166.
7. Дмитриева Л. В. Язык барабинских татар: (Материалы и исследования). Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1981. 225 с.
8. Добрина А. А. Интонация в алтайском языке (на материале простых односоставных побудительных высказываний) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 261–271.
9. Изотов А. И. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке в сопоставлении с русским = *Ceska a ruska vyzva jako funkcně sémantická kategorie*. Brno: L. Marek, 2005. 270 с. (Серия «Pontes Pragenses», Vol. 37).
10. Иосифова В. Е. Русский императив в грамматической системе и в разговорной речи: автореф. дис. ... д. филол. наук. Москва, 2011. 34 с.
11. Каксин А. Д. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. 176 с.
12. Которова Е. Г. Модель речевого поведения «просьба» в русском и немецком языках: сопоставительное исследование // *Жанры речи*. 2016. №1. С. 65–77. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-65-77
13. Кошкарёва Н. Б. Средства выражения актуального членения в сургутском диалекте хантыйского языка (в сопоставлении с другими уральскими языками и диалектами хантыйского языка) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология, Философия. 2007. Т. 6. № 2. С. 34–43.
14. Кулунадрий В. В. О природе побуждения и побудительности // *Мир науки, культуры, образования*. 2014. № 2 (45). С. 242–245.
15. Мурысов Р. З. Императив в разноструктурных языках в контрастивно-типологическом плане // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 2. С. 369–375.
16. Онина С. В. Способы выражения побуждения в хантыйском языке: дис. ... доктора филол. наук. Ханты-Мансийск, 2022. 594 с.
17. Петрова Е. Б. Каталогизация побудительных речевых актов в лингвистической прагматике // Вестник ВГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 124–133.
18. Плотников И. М. Интонационная система сургутского диалекта хантыйского языка // *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2021. № 2(42). С. 25–43. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-25-43.
19. Соловар В. Н., Нахрачева Г. Л., Шиянова А. А. Диалекты хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Ижевск: Принт-2, 2016. 348 с.
20. Фильченко А. Ю. Просодика и прагматика восточно-хантыйских нарративов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 9 (111). С. 139–145.
21. Хантыйский язык / под ред. Е. А. Немысовой. Л.: Просвещение: Ленингр. отд-ние, 1988. 223 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01001450111?ysclid=14wto28vne288555142>
22. Храковский В. С. Повелительность // *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*. Л.: Наука, 1990. С. 185–234.
23. Чепреги Марта. Сургутский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Печ. мир г. Ханты-Мансийск, 2017. 275 с.
24. Csepregi Márta. *Az osztjások (hantik)*. In *Finnugor kalauz*. Győr: Panoráma, 1998. Pp. 61–70.
25. Searle J. R. *Expression and meaning: Studies in the theories of speech acts*. Cambridge; London; New York; Melbourne: Cambridge University Press, 1979. 187 p.
26. Sosa S. *Intonation units in Eastern Khanty* // SLE 2011: 44th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea, 2011. URL: <https://juuli.fi/Record/0052164911> (дата обращения: 28.06.2022).
27. Sosa S. A. *Functions of morphosyntactic alternations, and information flow in Surgut Khanty Discourse*. Doctoral dissertation. Helsinki, 2017. 236 p. URL: <https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/183285/FUNCTION.pdf?isAllowed=y&sequence=1> (дата обращения: 28.06.2022).
28. Sosa S. *Pilot study of Intonation Units in Khanty discourse* // *Scripta miscellanea in honorem Ulla-Maija Forsberg. Yomas symyn nékve vortur etpost samyn patum = Ёмас сымың нэ́кве вóртур э́тпост самың патум*, Tampere: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2020. Pp. 369–386. <https://dx.doi.org/10.33341/sus.11.25>
29. UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger. URL: <http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/endangered-languages/atlas-of-languages-in-danger/> (дата обращение 22.06.2022).

References

1. Alekseev I. E. *Voprositel'noe predlozhenie v yakutskom yazyke* [Interrogative sentence in the Yakut language]. Yakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1982. 172 p. (In Russian)
2. Bikbaeva L. M. *Plan vyrazheniya modal'nogo mikropolya pobuzhdeniya v tatarskom i russkom yazykakh* [Plan of expression of the modal micro-field of imperativeness in the Tatar and Russian languages]. *Vestnik ChGPU* [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin], 2008, no. 11, pp. 183–191. (In Russian)
3. Bicheldey K. N. *Ritmomelodemy prostykh nerasprostranennykh predlozheniy khakasskogo yazyka: Povestvovanie. Vopros. Pobuzhdenie* [Rhythmo-melodems of simple non-extended sentences of the Khakass language: Narration. Question.

Imperativeness]. Moscow: Ros. un-t družby narodov Publ., 2000. 116 p. (In Russian)

4. Wierzbicka A., Shmelev A., Bulygina T. *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov* [Semantic universals and description of languages]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1999. 776 p. (In Russian)

5. Gartsov A. D. *Intonatsiya semantiko-pragmagicheskikh raznovidnostey pobuditel'nykh vyskazyvaniy v russkom yazyke* [Intonation of semantic-pragmatic varieties of imperative statements in the Russian language]. Moscow, 1992. 16 p. (In Russian)

6. Didenko A. V. *Ugorskaya imperativnaya paradigma* [Ugric imperative paradigm]. *Vestnik TGPU* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2006, no. 4 (55), pp. 162–166. *Seriya: Gumanitarnye nauki (filologiya)* [Series: Humanities (Philology)]. (In Russian)

7. Dmitrieva L. V. *Yazyk barabinskikh tatar: (Materialy i issled.)* [The language of the Baraba Tatars: (Materials and research)]. Leningrad: Nauka: Leningr. otd-nie Publ., 1981. 225 p. (In Russian)

8. Dobrinina A. A. *Intonatsiya v altayskom yazyke (na materiale prostykh odnosostavnykh pobuditel'nykh vyskazyvaniy)* [Intonation in the Altai language (based on the material of simple one-part imperative statements)]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2021, no. 3, pp. 261–271. DOI 10.17223/18137083/76/19 (In Russian)

9. Izotov A. I. *Funktsional'no-semanticheskaya kategoriya imperativnosti v sovremennom cheshskom yazyke v sopostavlenii s russkim = Ceska a ruska vyzva jako funkcně sémantická kategorie* [Functional-semantic category of imperativeness in the modern Czech in comparison with the Russian]. Brno: L. Marek, 2005. 270 p. (Series “Pontes Pragenses”, vol. 37). (In Russian)

10. Iosifova V. E. *Russkiy imperativ v grammaticheskoy sisteme i v razgovornoy rechi* [The Russian imperative in the grammatical system and in colloquial speech]. Moscow, 2011. 34 p. (In Russian)

11. Kaksin A. D. *Kazymskiy dialekt khantyyskogo yazyka* [Kazym dialect of the Khanty language]. Khanty-Mansiysk: IITs YuGU Publ., 2010. 176 p. (In Russian)

12. Kotorova E. G. *Model' rechevogo povedeniya “pros'ba” v russkom i nemetskom yazykakh: sopostavitel'noe issledovanie* [The model of speech behavior “request” in the Russian and German languages: comparative study]. *Zhanny rechi* [Speech Genres], 2016, no. 1, pp. 65–77. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-65-77 (In Russian)

13. Koshkareva N. B. *Sredstva vyrazheniya aktual'nogo chleneniya v surgutskom dialekte khantyyskogo yazyka (v sopostavlenii s drugimi ural'skimi yazykami i dialektami khantyyskogo yazyka)* [Means of expression of actual articulation in the Surgut dialect of the Khanty language (in comparison with other Uralic languages and dialects of the Khanty language)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Filologiya, Filosofiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 2007, no. 6 (2), pp. 34–43. (In Russian)

14. Kulunadriy V. V. *O prirode pobuzhdeniya i pobuditel'nosti* [On the nature of imperativeness and motivation]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture and Education], 2014, no. 2 (45), pp. 242–245. (In Russian)

15. Muryasov R. Z. *Imperativ v raznostrukturykh yazykakh v kontrastivno-tipologicheskoy plane* [Imperative in different-structured languages in contrastive-typological terms]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 2011, no. 16 (2), pp. 369–375. (In Russian)

16. Onina S. V. *Sposoby vyrazheniya pobuzhdeniya v khantyjskom yazyke* [Ways of expression of imperativeness in the Khanty language]. Khanty-Mansiysk, 2022. 594 p. (In Russian)

17. Petrova E. B. *Katalogizatsiya pobuditel'nykh rechevykh aktov v lingvisticheskoy pragmatike* [Catalogization of imperative speech acts in linguistic pragmatics]. *Vestnik VGU, Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2008, no. 3, pp. 124–133. (In Russian)

18. Plotnikov I. M. *Intonatsionnaya sistema surgutskogo dialekta khantyyskogo yazyka* [Intonation system of the Surgut dialect of the Khanty language]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2021, no. 2 (42), pp. 25–43. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-25-43 (In Russian)

19. Solovar V. N., Nakhracheva G. L., Shiyanova A. A. *Dialekty khantyyskogo yazyka* [Dialects of the Khanty language]. Khanty-Mansiysk: Izhevsk: Print-2 Publ., 2016. 348 p. (In Russian)

20. Filchenko A. Yu. *Prosodika i pragmatika vostochno-khantyyskikh narrativov* [Prosody and pragmatics of East Khanty narratives]. *Vestnik TGPU* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2011, no. 9 (111), pp. 139–145. (In Russian)

21. *Khantyyskiy yazyk* [Khanty language]. Ed. by E. A. Nemysova. Leningrad: Prosveshchenie: Leningr. otd-nie Publ., 1988. 223 p. (In Russian)

22. Khrakovskiy V. S. *Povelitel'nost'* [Imperativeness]. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [Theory of functional grammar. Temporality. Modality]. Leningrad: Nauka Publ., 1990. pp. 185–234. (In Russian)

23. Chepregi Marta *Surgutskiy dialekt khantyyskogo yazyka* [Surgut dialect of the Khanty language]. Khanty-Mansiysk: Pech. mir g. Khanty-Mansiysk Publ., 2017. 275 p. (In Russian)

24. Csepregi Márta. *Az osztjákok (hantik). Finnugor kalauz*. Győr: Panoráma, 1998. pp. 61–70 (In Hungarian)

25. Searle J. R. *Expression and meaning: Studies in the theories of speech acts*. Cambridge; London; New York; Melbourne: Cambridge University Press, 1979. 187 p. (In English)

26. Sosa S. *Intonation units in Eastern Khanty*. SLE 2011: 44th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea, 2011. Available at: <https://juuli.fi/Record/0052164911> (accessed June 28, 2022). (In English)

27. Sosa S. A. *Functions of morphosyntactic alternations, and information flow in Surgut Khanty Discourse*. Helsinki, 2017.

236 p. Available at: <https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/183285/FUNCTION.pdf?isAllowed=y&sequence=1> (accessed June 28, 2022). (In English)

28. Sosa S. *Pilot study of Intonation Units in Khanty discourse. Scripta miscellanea in honorem Ulla-Maija Forsberg. Yomas symyn nékve vortur etpost samyn patum = Emas symyū nēkve vōrtur ētpost samyn patum.* Tampere: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2020. pp. 369–386. <https://dx.doi.org/10.33341/sus.11.25> (In English)

29. *UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger.* Available at: <http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/endangered-languages/atlas-of-languages-in-danger/> (accessed June 22, 2022). (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыжикова Татьяна Раисовна, старший научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8), кандидат филологических наук.

ORCID.ORG: 0000-0002-4141-0327

tanya12@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ryzhikova Tatyana Raisovna, Senior Researcher, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (630090, Russian Federation, Novosibirsk, Nikolayev st., 8), Candidate of Philological Sciences.

ORCID ID: 0000-0002-4141-0327

tanya12@mail.ru